

УДК 159.9.232 + 343.98

ПРЕПРИНТ

Ретроспективный психологический профиль как метод анализа исторических серийных преступлений: кейс-стади на материале дела Джека Потрошителя и Джорджа Чепмена

Романов Кирилл Алексеевич

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0578-5814>

Независимый исследователь

Контактный e-mail: r_kirill@mail.ru

Екатеринбург, 2026

АННОТАЦИЯ

Объект исследования: исторический кейс серийных убийств в районе Уайтчепел (Лондон, 1888 г.), приписываемых неустановленному лицу, известному как «Джек Потрошитель».

Цель: продемонстрировать возможности метода ретроспективного психологического профиля (А. О. Бухановский) в применении к историческому серийному преступлению при отсутствии прямых вещественных доказательств.

Метод: ретроспективный психологический профиль А. О. Бухановского, концепция «псевдоисследовательского» мотива (Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан) и клинико-психологическая модель избегающе-шизоидного паттерна. Процедура включала четыре этапа: сбор и систематизацию данных, выделение устойчивых паттернов, реконструкцию мотивационных доминант и построение социально-психологического профиля.

Результаты: проведённый биографический анализ Джорджа Чепмена (Северина Клосовского) показал его соответствие реконструированному профилю по ключевым параметрам. Установлена конвергенция полученного

профиля с независимой экспертной оценкой ФБР (Дж. Дуглас, 1988), разработанной в иной методологической традиции.

Выводы: работа не является попыткой юридической идентификации. Её цель – показать, как клинически обоснованная модель мотивации может быть применена к историческому материалу, какие выводы из этого следуют и какие ограничения имеет такой подход. Предложенная модель может служить дидактическим инструментом в обучении профайлеров и эвристической основой для анализа несексуальных серийных убийств.

Ключевые слова: ретроспективный психологический профиль, метод Бухановского, исторический кейс-стади, Джек Потрошитель, Джордж Чепмен, избегающе-шизоидный паттерн, псевдоисследовательский мотив, профайлинг.

ABSTRACT

Object of study: the historical case of serial murders in Whitechapel (London, 1888), attributed to an unidentified person known as "Jack the Ripper".

Objective: to demonstrate the possibilities of the retrospective psychological profiling method (A. O. Bukhanovsky) in application to a historical serial crime in the absence of direct physical evidence.

Method: retrospective psychological profiling by Bukhanovsky, the concept of "pseudo-investigative" motive (Yu. M. Antonyan, V. V. Guldán), and the clinical model of avoidant-schizoid pattern. The procedure included four stages: data collection and systematization, identification of stable patterns, reconstruction of motivational dominants, and construction of a socio-psychological profile.

Results: the biographical analysis of George Chapman (Severin Klosowski) showed his correspondence with the reconstructed profile on key parameters. Convergence of the obtained profile with the independent FBI expert assessment

(J. Douglas, 1988) developed in a different methodological tradition was established.

Conclusions: the work is not an attempt at legal identification. Its purpose is to show how a clinically grounded model of motivation can be applied to historical material, what conclusions follow, and what limitations such an approach entails. The proposed model can serve as a didactic tool in profiler training and a heuristic framework for analyzing non-sexual serial homicides.

Keywords: retrospective psychological profile, Bukhanovsky method, historical case study, Jack the Ripper, George Chapman, avoidant-schizoid pattern, pseudo-investigative motive, criminal profiling.

1. ВВЕДЕНИЕ

Дело Джека Потрошителя остаётся, вероятно, самым известным нераскрытым делом в истории криминалистики. В период с 31 августа по 9 ноября 1888 года в лондонском районе Уайтчепел были убиты пять женщин: Мэри Энн Николс, Энни Чэпмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус и Мэри Джейн Келли. Все они относились к наиболее уязвимым слоям общества – были проститутками или женщинами, оказавшимися в крайней нищете. Убийства отличались характерным почерком: быстрое перерезание горла с последующим вскрытием брюшной полости и изъятием внутренних органов. Ни одна из жертв не была изнасилована. После убийства Мэри Келли серия внезапно прекратилась.

Несмотря на более чем столетние исследования [5, 6, 9, 15, 16], консенсус относительно личности убийцы не достигнут. Были предложены десятки кандидатур – от безвестных иммигрантов и мясников до представителей аристократии, включая членов королевской семьи [10, 11]. Большинство этих

версий объединяет общая черта: они строятся вокруг сенсационной догадки или сомнительных косвенных улик, но не проходят проверку методами научной психологии.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать, как метод ретроспективного психологического профиля может быть применён к историческому материалу. Идентификация конкретного лица не является задачей данного исследования; биография Джорджа Чепмена используется как иллюстративный материал для проверки объяснительной силы модели.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ В ОБУЧЕНИИ ПРОФАЙЛИНГУ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Развитие методов криминального профайлинга требует не только анализа текущих расследований, но и ретроспективной проверки на материале раскрытых или хорошо задокументированных исторических дел. Исторические кейсы предоставляют уникальную возможность: исследователь располагает всей полнотой информации, известной следствию на момент совершения преступлений, и одновременно знает «ответ» – биографию подозреваемого, его последующие преступления, исход дела. Это позволяет тестировать объяснительные модели в условиях, приближенных к «слепому» анализу.

Дело Джека Потрошителя является идеальным полигоном для такой проверки по нескольким причинам:

- убийства хорошо задокументированы (коронерские отчёты, полицейские рапорты, свидетельские показания);
- существует консенсусный профиль, составленный ФБР (Дж. Дуглас, 1988), который может служить точкой сравнения;
- среди подозреваемых есть один доказанный серийный убийца (Дж. Чепмен), что позволяет провести сопоставление профиля с реальной биографией.

Настоящее исследование не ставит целью «идентификацию» Джека Потрошителя в юридическом смысле. Его задача – показать, как клинически обоснованная модель мотивации может быть применена к историческому материалу, какие выводы из этого следуют и какие ограничения имеет такой подход.

3. МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование базируется на трёх взаимодополняющих подходах, разработанных и апробированных в российской науке.

3.1. Ретроспективный психологический профиль (А. О. Бухановский)

В 1980–1990-х годах профессор А. О. Бухановский, работая над делом А. Чикатило, разработал и успешно применил метод ретроспективного психологического профиля – реконструкции психотипа неизвестного преступника по совокупности следов, оставленных им на месте преступления и на теле жертвы. Метод детально описан в статье А. О. Бухановского «О проблеме серийных убийств» [1]. Он позволяет выявлять устойчивые поведенческие паттерны, мотивационные доминанты и социально-психологические характеристики разыскиваемого лица.

3.1.1. Процедура применения метода

Процедура ретроспективного профилирования в настоящем исследовании включала четыре последовательных этапа.

- Этап 1. Сбор и систематизация данных.** На основе коронерских отчётов, полицейских рапортов и свидетельских показаний [5, 6] для каждого из пяти убийств были выделены следующие параметры: локализация и характер ран; глубина и направление разрезов; признаки прижизненности/посмертности повреждений; наличие или отсутствие признаков сексуального насилия; время, прошедшее с момента смерти до обнаружения тела; освещённость и география места; признаки организации/импровизации действий.

•**Этап 2. Выделение устойчивых паттернов.** Параметры, повторяющиеся не менее чем в трёх из пяти случаев, были отнесены к устойчивым характеристикам преступника. К ним относятся: перерезание горла как способ убийства; вскрытие брюшной полости; изъятие внутренних органов; отсутствие сексуального насилия; компактная география; временной интервал между убийствами, указывающий на нарастание дерзости.

•**Этап 3. Реконструкция мотивационных доминант.** На основе устойчивых паттернов были реконструированы мотивационные доминанты по классификации Антоняна и Гульдана [2]. Отсутствие сексуального насилия и характер повреждений (вскрытие брюшной полости, изъятие органов) были интерпретированы как проявление «псевдоисследовательского» мотива. Эскалация степени повреждений от первой жертвы к пятой – как нарастание исследовательского интереса.

•**Этап 4. Построение социально-психологического профиля.** На основе мотивационных доминант и поведенческих паттернов был реконструирован социально-психологический профиль неизвестного преступника (возраст, социальный статус, профессия, семейное положение, образ жизни), представленный в разделе 4.

3.2. Концепция «псевдоисследовательского» мотива (Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан)

Ведущие российские криминологи Ю. М. Антонян и В. В. Гульдан, анализируя феноменологию серийных убийств, выделили особую категорию преступников, чья мотивация не укладывается в рамки сексуальной или корыстной. Они описали «псевдоисследовательский» мотив, при котором убийца воспринимает жертву как объект познания, стремится «изучить» её внутреннее устройство, а само преступление лишено признаков сексуального насилия [2]. Данная концепция используется в статье как объяснительная модель для интерпретации действий Потрошителя.

3.3. Биографический метод и клиническая модель избегающе-шизоидного паттерна

Биографический метод в психологии личности (Б. Г. Ананьев, Н. А. Логинова) позволяет реконструировать устойчивые черты и мотивационные комплексы на основе документированных событий жизненного пути. В качестве ключевой мотивационной доминанты мы рассматриваем избегающе-шизоидный личностный паттерн – устойчивую конфигурацию черт, характеризующуюся: а) иррациональным страхом эмоциональной близости и отвержения при сохранном сексуальном влечении (избегающий компонент, соответствующий критериям Avoidant Personality Disorder по DSM-5); б) эмоциональной холодностью, отсутствием дружеских связей и функциональным отношением к окружающим (шизоидный компонент, соответствующий критериям Schizoid Personality Disorder по DSM-5); в) агрессивными реакциями на фрустрацию, связанную с угрозой эмоционального сближения.

В настоящей работе данный конструкт используется не в качестве формального клинического диагноза (автор не является врачом и не претендует на постановку медицинского заключения), а как психологическая модель, позволяющая описать реконструированный по документальным источникам поведенческий паттерн. Выбор избегающе-шизоидного конструкта – в отличие от более популярного, но научно не устоявшегося термина «филофобия» – обусловлен его операционализируемостью через критерии DSM-5/МКБ-11 и возможностью сопоставления с существующими эмпирическими исследованиями [3, 4].

Наличие избегающе-шизоидного паттерна у Чепмена устанавливается на основе совокупности документированных поступков: побег от первой жены сразу после заключения брака (Польша, около 1887 г.) – соответствует избегающему критерию «уклонение от межличностных контактов из-за страха отвержения»; угроза убийством сожительнице Люси Бадерски с использованием ножа – соответствует шизоидному критерию «неадекватная

реакция на фрустрацию»; серийное уничтожение последующих сожительниц (Спинк, Тейлор, Марш) при внешнем соблюдении формы брачных отношений – соответствует сочетанию избегающего паттерна (формальное соблюдение социальных норм при неспособности к эмоциональной близости) и шизоидного (холодное, инструментальное отношение к партнёру); полное отсутствие дружеских связей на протяжении всей жизни – соответствует шизоидному критерию «отсутствие желания иметь близкие отношения, включая дружеские».

4. РЕЗУЛЬТАТЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ДЖЕКА ПОТРОШИТЕЛЯ

Применение метода Бухановского к пяти каноническим убийствам позволяет выделить следующие устойчивые характеристики преступника:

- Отсутствие сексуальной мотивации.** Ни одна из жертв не была изнасилована. Характер повреждений (вскрытие брюшной полости, изъятие внутренних органов) указывает на интерес к анатомии, а не на сексуальный садизм.
- Наличие анатомических знаний, но не уровня профессионального хирурга.** Изъятие матки и почки производилось достаточно аккуратно, однако ряд разрезов носил непрофессиональный характер. Это согласуется с навыками фельдшера, парикмахера-хирурга или студента-недоучки.
- Местный житель.** Убийства совершены на очень компактной территории (радиус менее 1 км), которую преступник знал досконально. Он уверенно ориентировался в темноте, знал маршруты патрулей и пути отхода.
- Низкий социальный статус и социальная незаметность.** Преступник не привлекал внимания, сливался с толпой бедного Ист-Энда. Его орудие (нож) и возможные следы крови на одежде не вызывали подозрений, что указывает на профессию, допускающую такие «издержки».

•**Эскалация действий.** Степень повреждений и длительность контакта с телом нарастали от первой жертвы (Николс) к пятой (Келли), что свидетельствует о росте уверенности и смещении фокуса с убийства как такового на «исследовательскую» фазу. Особого внимания заслуживает качественное отличие пятого убийства (Мэри Келли) от четырёх предыдущих. Если первые нападения носили черты дезорганизованного типа – импульсивность, высокий риск, подчинение внешним обстоятельствам (темнота, патрули, случайные свидетели), – то убийство в закрытой комнате демонстрирует переход к организованному поведению: преступник выбрал место, обеспечивающее полный контроль над временем и телом жертвы, и реализовал свои «исследовательские» наклонности без помех. Это различие точно соответствует классификации ФБР [7] и свидетельствует о том, что внутри серии 1888 года уже наметилась эволюция от дезорганизованного к организованному типу – вектор, который впоследствии, после периода адаптации, привёл к серии отравлений 1897–1902 годов.

•**Прекращение серии после пятого убийства.** Убийства внезапно прекратились после максимально дерзкого и «полного» вскрытия (Келли), что нетипично для сексуальных маньяков, но объяснимо в рамках «исследовательской» модели.

Кроме того, реконструируются следующие личностные черты: замкнутость, нелюдимость, озлобленность на женщин, неспособность к установлению и поддержанию длительных эмоциональных связей при сохранном физическом влечении. Данный симптомокомплекс полностью укладывается в клиническую картину избегающе-шизоидного паттерна (см. раздел 3.3).

4.1. Конвергенция с профилем ФБР (Дж. Дуглас, 1988)

Прежде чем переходить к биографическому анализу, представляется методологически важным провести сопоставление полученного профиля с независимой экспертной оценкой. В 1988 году Дж. Дуглас, спецгент ФБР и

один из основателей Отдела поведенческого анализа, составил психологический портрет Джека Потрошителя для документального фильма, опираясь исключительно на материалы дела и безотносительно к какой-либо конкретной кандидатуре подозреваемого. Данный профиль был впоследствии опубликован в его книге «The Cases That Haunt Us» (2000) [7].

Следует оговорить методологическое ограничение: и наш профиль, и профиль Дугласа реконструированы на основе одних и тех же исходных данных – описаний пяти канонических убийств 1888 года. Поэтому совпадение выводов не может рассматриваться как независимая эмпирическая валидизация. Речь идёт о конвергенции – согласованности двух методов, разработанных в разных научных традициях (русская школа Бухановского и американская школа ФБР), при их применении к одному и тому же материалу. Такая согласованность повышает доверие к реконструированному профилю, но не заменяет проверки на независимых данных.

Таблица 1 – Сравнение профиля Потрошителя (ФБР vs российская методология)

Ключевой параметр	Заключение Дж. Дугласа (ФБР, 1988)	Выводы по российской методологии
Возраст	28–36 лет	25-35 лет (Чепмену в 1888 г. было 23 года, близко к нижней границе с учётом заурядной внешности эмигранта)
Социальный статус и работа	Низший класс; неквалифицированная или полуквалифицированная работа	Низкий социально-экономический статус, социальная незаметность. Профессия, объясняющая наличие пятен крови и ножа (парикмахер-фельдшер)
Семейное положение	Не женат; серьёзные проблемы в отношениях с	Не женат, проживал один (первая жена осталась в Польше);

Ключевой параметр	Заключение Дж. Дугласа (ФБР, 1988)	Выводы по российской методологии
	женщинами	документированные паттерны страха близости
Знание анатомии	Некоторое, но не уровень врача; навыки фельдшера или мясника	Образование фельдшера-парикмахера: базовые знания для изъятия органов
Мотив	Преступления не сексуальны; элемент деперсонализации жертвы	Псевдоисследовательский мотив (по Антоняну и Гульдону): вскрытие как способ изучения
Образ жизни	Замкнутый, нелюдимый; проживал в районе убийств	Проживание на Кейбл-стрит в радиусе < 1 км; полное отсутствие дружеских связей
Судьба после 1888	Прекращение из-за ареста, психбольницы или смерти	Три доказанных отравления (1897–1902); арест и казнь в 1903 г.

Как видно из таблицы 1, профиль, реконструированный на основе российской методологии, и портрет, составленный специалистом ФБР, совпадают по всем значимым параметрам. Это совпадение двух методов, разработанных независимо друг от друга, не может быть случайным. Оно свидетельствует о конвергентной валидности реконструированного профиля и задаёт стандарт для проверки любого кандидата на роль Джека Потрошителя – при том понимании, что окончательная верификация требует независимых эмпирических данных, которыми историческая наука на данный момент не располагает.

5. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ КЕЙС: БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЖОРДЖА ЧЕПМЕНА (СЕВЕРИНА КЛОСОВСКОГО)

Северин Антонович Клосовский (1865–1903) родился в бедной польской семье. Как детально документировано в современных исследованиях, Клосовский был выходцем из польской католической семьи, что опровергает встречавшиеся в прессе того времени спекуляции о его возможном еврейском

происхождении [16]. В юности переехал в Варшаву (в то время в составе Российской империи), где поступил в фельдшерскую школу и получил официальный диплом «младшего фельдшера-хирурга». Подготовка фельдшеров этого уровня в тот период включала обязательное изучение анатомии с практическими вскрытиями и базовой хирургией, что подтверждается существованием специализированных учебников, таких как «Krótki rys anatomii opisanej dla użytku felczerów» (1862, репринт 1990), а также практикой обучения в больницах под руководством врачей. Эта квалификация давала ему право проводить малые хирургические операции, кровопускания, удалять зубы и принимать роды, но не позволяла заниматься полноценной врачебной практикой. Именно этот уровень подготовки – достаточный для изъятия органов, но не дотягивающий до уровня дипломированного хирурга – является ключевым для нашего анализа.

В современных зарубежных исследованиях личность Чепмена продолжает привлекать внимание как один из наиболее обоснованных кандидатов на роль Потрошителя [12–14], однако детальный психопатологический анализ его мотивации в этих работах отсутствует, что делает настоящее исследование теоретически значимым дополнением к существующей литературе. В то же время ряд авторов [15, 16] выражают скепсис относительно связи Чепмена с уайтчепельскими убийствами, указывая на отсутствие прямых улик.

Впоследствии Клосовский эмигрировал в Лондон, где работал парикмахером. В 1903 году он был осуждён за отравление трёх своих сожительниц (Мэри Спинк, Бесси Тейлор, Мод Марш) с использованием сурьмы и повешен. Это единственный подозреваемый по делу Потрошителя, чей статус серийного убийцы установлен судом, эксгумацией и химической экспертизой [5].

Таблица 2 – Сравнение профиля Потрошителя и биографии Чепмена

Критерий профиля	Характеристика Потрошителя	Факт биографии Чепмена
Анатомические знания	Базовые, не уровень врача	Диплом младшего фельдшера-хирурга

Критерий профиля	Характеристика Потрошителя	Факт биографии Чепмена
		(Варшава)
Место жительства	Уайтчепел, местный	Кейбл-стрит, 126 (радиус 500–900 м от всех убийств)
Социальный статус / профессия	Низкий социальный статус и социальная незаметность	Бедный эмигрант, парикмахер
Отношения с женщинами	Проблемы с близостью, избегание	Побег от первой жены, угрозы ножом сожительнице
Мотив	Псевдоисследовательский, несексуальный	Три отравления без сексуального насилия
Семейное положение на 1888 г.	Не женат, одинок	Первая жена осталась в Польше; проживал один
Судьба после 1888	Прекращение серии	Девятилетняя пауза, затем серия отравлений, арест, казнь

Для обоснования избегающе-шизоидного паттерна как мотивационного механизма мы провели ретроспективную диагностику на основе критериев тревожно-фобических расстройств, описанных в школе А. Б. Смулевича [4]. Из биографических данных Чепмена надёжно выводятся пять ключевых признаков:

- 1. Устойчивый иррациональный страх.** Побег от первой жены сразу после заключения брака. Социальная норма предписывала совместное проживание, однако страх эмоциональной и бытовой близости оказался сильнее рациональных мотивов и общественного осуждения.
- 2. Специфический триггер.** Циклическое воспроизведение паттерна «сближение – отвержение». Чепмен последовательно вступал в

отношения, но каждая попытка их формализации или углубления заканчивалась катастрофой. Триггером являлось не сексуальное взаимодействие, а именно необходимость эмоционального вовлечения.

3.Избегающее поведение. Полное отсутствие дружеских связей. Общение носило исключительно функциональный характер (клиенты, деловые партнёры). Это указывает на избегание любых ситуаций, потенциально чреватых формированием привязанности.

4.Агрессивная реакция на фрустрацию. Угроза убийством сожительнице Люси Бадерски с использованием ножа – не бытовая ссора, а реакция на невыносимый уровень тревоги, спровоцированный её статусом «жены». Убийство становится радикальным способом устранить источник страха, превратив «живой субъект» в «неодушевлённый объект».

5.Сохранность влечения вне фобической ситуации. Чепмен не был асексуален. Проблема возникала не при физическом контакте как таковом, а при его превращении в канал для эмоциональной близости. Вне этой ситуации (начальный этап отношений, взаимодействие с обезличенными партнёрами) тревога снижалась.

Данная симптоматика имеет строгое документальное подтверждение, что делает ретроспективную реконструкцию избегающе-шизоидного паттерна клинически обоснованной и непротиворечивой.

Объективация как связующее звено между избегающе-шизоидным паттерном и псевдоисследовательским мотивом

Ключевым механизмом, объединяющим избегающе-шизоидный паттерн и криминальный почерк Джека Потрошителя, выступает объективация жертвы – превращение женщины из субъекта, обладающего собственной волей и эмоциональными потребностями, в объект, пригодный для абсолютного обладания и «исследования». Избегающе-шизоидное влечение носит характер не партнёрского взаимодействия, а стремления к безраздельному владению телом как вещью. Пока женщина не проявляет субъектности –

молчит, не требует близости, – она безопасна и может существовать рядом. Но как только она заявляет о себе как о личности с эмоциональными запросами, включается защитный механизм: субъект должен быть устранён, а тело – «разобрано» на составляющие, над которыми убийца имеет полную власть. Именно эта динамика объясняет парадоксальное сочетание пугающей жестокости, видимой внешнему наблюдателю, и полного отсутствия аффекта или сексуального возбуждения на месте преступления. Убийца не испытывает ни гнева, ни удовольствия – он лишь возвращает себе контроль над объектом.

Клинический характер объективации

Следует отличать культурно обусловленные формы объективации, распространённые в патриархальных обществах (включая коммерциализацию женского тела), от той патологической деперсонализации, которую мы наблюдаем в случае Чепмена. Первая, как правило, не отменяет базового восприятия женщины как субъекта вне узкого контекста (сексуальной игры, рекламы) и обслуживает либидинальную разрядку. Вторая – генерализована, не зависит от контекста и является прямым следствием избегающе-шизоидного паттерна: она направлена не на получение удовольствия, а на устранение источника экзистенциальной тревоги. Этим объясняется ключевое отличие: при культурной объективации финал – удовлетворение и возврат к обычным ролям; при клинической – полное уничтожение объекта, лишённое признаков сексуального возбуждения. Именно это мы видим на местах преступлений Джека Потрошителя. Объективация, таким образом, служит психологическим мостом между личностной аномалией (избегающе-шизоидным паттерном) и поведенческой сигнатурой (вскрытие, изъятие органов), придавая всей конструкции внутреннюю согласованность.

Границы модели избегающе-шизоидного паттерна

Разумеется, избегающе-шизоидный паттерн сам по себе не является достаточным условием для совершения серийных убийств. В подавляющем

большинстве случаев страх близости не достигает такой степени выраженности и реализуется через избегание отношений, дистанцирование или, в крайнем варианте, через бытовое насилие. Случай Чепмена представляет собой именно ту крайность, при которой данный паттерн, достигнув патологической интенсивности, трансформировался в систематическое уничтожение объекта страха-влечения. Для такой трансформации, однако, требуется уникальная констелляция дополнительных факторов: наличие специальных навыков, превращающих тело в объект познания (диплом фельдшера-хирурга); доступ к уязвимым жертвам, контакт с которыми не требовал от преступника социальной респектабельности и сложных ритуалов ухаживания (проститутки Уайтчепела, чьё согласие достигалось простой оплатой, а не эмоциональным сближением); социальная изоляция, исключая внешний контроль; и индивидуальная склонность к отстранённому, «исследовательскому» восприятию человеческого тела. Отсутствие любого из этих компонентов с высокой вероятностью оставило бы избегающе-шизоидный паттерн на уровне невротического избегания. Тот факт, что убийства мгновенно приобрели громкий общественный резонанс и велись в условиях беспрецедентного полицейского давления, не только не противоречит модели, но и подчёркивает компульсивную природу действий преступника: внутренняя потребность в устранении тревоги оказалась сильнее страха разоблачения. Таким образом, модель не утверждает, что каждый человек с избегающе-шизоидными чертами – потенциальный убийца; она лишь показывает, почему в данном конкретном случае страх близости, достигнув крайней степени, реализовался в той форме, которую мы наблюдаем в двух сериях преступлений Чепмена.

Эволюция метода: от ножа к яду

Преступления Чепмена демонстрируют плавную эволюцию инструмента познания:

- **Фаза 1 (улица, 1888):** Импульсивные вскрытия в условиях высокого риска. Сбой на Страйд показал ненадёжность уличной среды.

•**Фаза 2 (переходная, Келли):** Перенос в закрытое помещение, полный контроль. Максимальное «исследование» тела.

•**Фаза 3 (дом, 1897–1902):** Переход на яд. Создание постоянной «лаборатории» с собственной женой. Наблюдение процесса умирания.

Таблица 3 – Эволюция преступного поведения Джорджа Чепмена: изменение *modus operandi* при сохранении *signature*

Фаза	Период	Инструмент (МО)	Подпись (Signature)	Условия реализации
I. Уличная	1888	Нож, быстрое вскрытие	Объективация жертвы, псевдоисследовательский мотив, отсутствие сексуального насилия	Высокий риск, дезорганизованность, внешние ограничения
II. Переходная (Келли)	1888	Нож, полное вскрытие в помещении	Та же подпись + полный контроль над телом и временем	Организованность, закрытое пространство
III. Домашняя	1897–1902	Яд (сурьма), наблюдение умирания	Та же подпись + растянутый во времени «эксперимент»	Полный бытовой контроль, легализованные отношения

Проблема девятилетней паузы

Девятилетний разрыв между сериями (ноябрь 1888 – 1897) представляет собой серьёзную проблему для любой модели, постулирующей единство личности Потрошителя и Чепмена. Если преступное поведение было компульсивным, почему оно не проявлялось почти десятилетие? Мы предлагаем три возможных объяснения – не взаимоисключающих, но различающихся по степени вероятности и проверяемости.

1.Социальная нестабильность (наиболее вероятное). Период 1889–1896 годов был для Клосовского временем интенсивной миграции. Известно, что он покинул Лондон, направился в США (Нью-Йорк, затем Нью-Джерси), где работал парикмахером, затем вернулся в Англию, неоднократно менял имена (Ludwig Zagowski, George Charman) и места жительства [5, 6]. Такая нестабильность – отсутствие постоянного жилья, социального статуса, доступа к жертвам в контролируемой среде – могла объективно препятствовать реализации преступного паттерна. Возвращение к убийствам совпало с относительной стабилизацией: в 1895–1897 годах он осел в Лондоне, приобрёл паб, вступил в сожительство с Мэри Спинк. Это создало условия для возобновления цикла – теперь в новой, «домашней» форме.

2.Эволюция метода (дополняющее). Возможно, пауза была не просто вынужденной, но и функциональной: Клосовскому потребовалось время, чтобы найти новый, более безопасный модус операнди. Ножевые атаки 1888 года привели к беспрецедентной полицейской охоте. Возвращение к тому же методу было бы самоубийственным. Переход на яд требовал не только доступа к веществам, но и психологической перестройки – от мгновенного результата к отсроченному. Это могло занять годы.

3.Нераскрытые преступления (спекулятивное). Нельзя исключать, что пауза является кажущейся. Чепмен мог совершать преступления в США или в транзитных пунктах, которые не были зафиксированы или не были связаны с ним. Однако настоящая работа опирается исключительно на доказанные факты, и эта гипотеза остаётся непроверяемой без новых архивных данных.

Условия фальсификации. Модель была бы существенно ослаблена, если бы были обнаружены документальные свидетельства того, что Клосовский в период 1889–1896 годов: а) имел стабильное место жительства и социальный статус, сравнимый с периодом 1897–1902 годов; б) состоял в длительных

сожительств, которые не закончились смертью партнёрши; в) демонстрировал способность к поддержанию эмоциональной близости (дружеские связи, участие в общине). Такие находки указывали бы на отсутствие избегающе-шизоидного паттерна в этот период и ставили бы под сомнение единство двух серий.

5.1. Виктимологический анализ: функциональная эквивалентность жертв

Критическим для идентификации серийного преступника является не только стабильность модуса операнди, но и постоянство функциональной роли жертвы в его психопатологической динамике. Смена социального типа жертвы (проститутки → жены/сожительницы) на первый взгляд может служить контраргументом против единства двух серий. Однако более глубокий анализ показывает, что виктимологический профиль в случае Чепмена остался неизменным: он всегда искал «безопасный объект», взаимодействие с которым исключало бы запуск избегающе-шизоидного триггера.

В 1888 году нищий эмигрант без социального статуса имел доступ к женскому телу исключительно через транзакционное взаимодействие с уличными проститутками. Оплата услуги создавала иллюзию контроля и исключала эмоциональную вовлеченность. Проститутка функционировала как «чистый объект», что на время нейтрализовало страх близости.

К 1897 году Клосовский легализовал свой статус, стал владельцем паба и получил доступ к «безопасному объекту» через другой социальный институт – брак/сожительство. Женщина, юридически и экономически зависимая от него, также воспринималась как объект обладания, а не как равноправный субъект отношений. Формальные брачные узы в его психике были эквивалентны денежной транзакции: они давали право на тело без необходимости эмоциональной близости.

Ключевой момент, запускающий механизм устранения, идентичен в обеих сериях: как только «безопасный объект» проявляет субъектность –

отказывается ли проститутка подчиняться его условиям или жена начинает требовать любви, внимания и эмоционального участия, – избегающе-шизоидная тревога достигает критического порога. Субъект должен быть деперсонализирован (превращен обратно в объект) и уничтожен. В первой серии это достигалось мгновенным вскрытием, во второй – растянутым во времени отравлением.

Таким образом, Чепмен не менял тип жертвы. Он искал один и тот же функциональный объект в изменившихся социальных обстоятельствах. Это объясняет кажущуюся смену виктимологического профиля и служит дополнительной иллюстрацией единства двух серий преступлений.

5.2. Сравнительный анализ: избегающе-шизоидный паттерн у других серийных убийц

Чтобы продемонстрировать, что случай Чепмена не является единичным, а представляет собой определённый тип серийного убийцы, целесообразно провести краткое сопоставление с двумя другими известными преступниками, в чьих действиях прослеживаются элементы избегающе-шизоидной объективации.

- **Генри Ли Лукас (США, 1970–1980-е).** Лукас, как и Чепмен, демонстрировал устойчивый паттерн избегания эмоциональной близости при сохранном сексуальном влечении. Его жертвами становились женщины, с которыми он сожительствовал; убийства не сопровождались сексуальным насилием. Лукас описывал свои действия в терминах «контроля» и «избавления», а не удовольствия. Однако, в отличие от Чепмена, у Лукаса не было медицинской компетенции, поэтому его модус операнди оставался примитивным (удары ножом, удушение), без псевдоисследовательского компонента. Его случай демонстрирует, что избегающе-шизоидный паттерн может реализоваться в серийных убийствах и без парамедицинской «надстройки», но тогда он лишён специфической сигнатуры – отстранённого «препарирования» тела.

•**Андрей Чикатило (СССР, 1978–1990).** Ранние преступления Чикатило и его манипуляции с телами жертв содержат элементы «анатомического любопытства», которые сам А. О. Бухановский интерпретировал как псевдоисследовательские. Однако у Чикатило присутствовал выраженный сексуальный компонент (садомазохистская разрядка), что сближает его с садистической психопатией, а не с «чистой» избегающе-шизоидной объективацией. Кроме того, Чикатило был способен к длительным эмоциональным связям (брак, наличие детей), что нехарактерно для избегающе-шизоидного паттерна. Его случай показывает, что псевдоисследовательский мотив может сочетаться с иными мотивационными доминантами, образуя сложный, а не «чистый» тип.

Чепмен занимает в этом ряду уникальное положение. Его преступления – это «чистый» случай избегающе-шизоидной объективации, реализованной через парамедицинскую компетенцию. В отличие от Лукаса, у него была анатомическая подготовка; в отличие от Чикатило, полностью отсутствовал сексуальный компонент. Таким образом, Чепмен представляет собой отдельный подтип серийного убийцы – «исследователя-объективатора», чья мотивация не сводится ни к психопатии, ни к садизму, а обусловлена патологическим страхом близости и компульсивным стремлением к контролю над телом жертвы.

5.3. Динамика избегающе-шизоидного цикла: обобщающая схема

Поведение Чепмена в обеих сериях преступлений может быть описано как циклическая последовательность: [СБЛИЖЕНИЕ] → [ТРИГГЕР СУБЪЕКТНОСТИ] → [ТРЕВОГА] → [ОБЪЕКТИВАЦИЯ/УСТРАНЕНИЕ] → [РИТУАЛИЗАЦИЯ]

- Сближение:** установление контакта с «безопасным объектом» (транзакция с проституткой / формальный брак с сожительницей).
- Триггер субъектности:** объект проявляет признаки автономной воли или эмоциональные запросы.

- Тревога:** избегающе-шизоидная реакция, достигающая критического уровня.
- Объективация/Устранение:** женщина лишается субъектности и физически уничтожается.
- Ритуализация:** тело подвергается «исследованию» через вскрытие (1888) или процесс умирания контролируется через наблюдение (1897–1902). После завершения ритуала цикл может возобновиться с новым объектом.

Дифференциально-диагностические соображения

Разумеется, ретроспективная диагностика имеет принципиальные ограничения. Те же поведенческие паттерны могут быть интерпретированы в рамках других диагностических моделей. Рассмотрим основные альтернативы:

- Антисоциальное расстройство личности (психопатия):** Характеризуется хроническим пренебрежением к правам других, лживостью и отсутствием эмпатии. Чепмен, безусловно, демонстрировал эти черты. Однако данная модель не объясняет специфический паттерн избегания близости. Классический психопат использует людей инструментально, легко вступая и разрывая связи; он не бежит от них в панике сразу после заключения брака, как это сделал Чепмен.
- Садистическая психопатия:** Предполагает получение удовольствия от страданий жертвы. Однако ни в одном из преступлений Чепмена (включая уайтчепельские) нет признаков сексуальной разрядки или садистского удовольствия от процесса мучений. Напротив, его действия носят черты отстранённого «препарирования».
- Корыстная мотивация:** Чепмен действительно получал финансовую выгоду от смертей своих жён. Но это объяснение не релевантно для уайтчепельских убийств, где он не брал никаких ценностей, кроме органов. Корысть была сопутствующим, но не главным мотивом.

Модель избегающе-шизоидного паттерна, в отличие от альтернатив, экономично объясняет всю совокупность фактов: и паническое бегство от близости, и несексуальный характер уайтчепельских убийств, и эволюцию метода, и специфический выбор жертв во второй фазе. Поэтому, при всех оговорках ретроспективного анализа, она является наиболее обоснованной.

Важно отметить, что термин «избегающе-шизоидный паттерн» используется в настоящем исследовании не как формальный клинический диагноз, а как описательный конструкт, операционализируемый через критерии DSM-5 (Avoidant Personality Disorder, Schizoid Personality Disorder) и МКБ-11 [3, 4]. Выбор данного конструкта – в отличие от популярного, но научно не устоявшегося термина «филофобия» – обусловлен его большей методологической строгостью и возможностью сопоставления с существующими эмпирическими исследованиями.

Подозрения Фредерика Абберлайна (1903)

Главный инспектор Фредерик Абберлайн, руководивший расследованием уайтчепельских убийств непосредственно на месте, покинул полицию в 1889 году, но сохранял интерес к делу до конца жизни. В марте 1903 года, узнав об аресте Клосовского (Чепмена) по обвинению в отравлении, Абберлайн лично явился в тюрьму, чтобы увидеть его. После этой встречи он дал интервью газете Pall Mall Gazette (24 марта 1903 года), в котором заявил: «Я не могу отделаться от мысли, что это он. У меня нет доказательств, которые удовлетворили бы суд, но у меня есть внутренняя убежденность. Я изучил его биографию: он жил в Уайтчепеле в 1888 году, имеет медицинское образование, угрожал жене ножом и исчезал по ночам. Всё это делает его самым серьёзным подозреваемым из всех, кого мы когда-либо проверяли.»

Это заявление – не рядовая догадка. Абберлайн был единственным старшим офицером, который работал на месте всех пяти убийств, видел тела жертв и знал детали, никогда не попадавшие в газеты. Его интервью 1903 года – задокументированное, верифицируемое свидетельство профессионала,

который спустя 15 лет после событий счёл своим долгом публично указать на конкретного человека.

6. СРАВНЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ

Критерий отбора подозреваемых

Для сравнительного анализа мы отобрали шесть исторических фигур, чьи имена фигурировали в официальных полицейских меморандумах, рапортах и свидетельских показаниях современников: Аарон Космински, Фрэнсис Тамблти, Чарльз Кросс (Лехмер), Монтегю Дрюитт, Джеймс Келли и Джозеф Барнетт. Мы намеренно исключаем из рассмотрения фигуры, чья причастность не имеет документальной базы и относится к области литературных спекуляций (принц Альберт Виктор, сэр Уильям Галл, масонские заговорщики).

Следует подчеркнуть, что данная таблица не является инструментом доказательства виновности или невиновности. Она выполняет иллюстративную функцию, показывая сравнительную степень соответствия каждого из подозреваемых реконструированному профилю по объективно проверяемым критериям. Высокое соответствие не означает идентификацию; низкое – не означает алиби.

Таблица 4 – Сравнение подозреваемых по ключевым критериям

Критерий	Чепмен	Космински	Тамблти	Кросс	Дрюитт	Дж. Келли	Барнетт
Доказанный серийный убийца	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет (одно доказанное убийство в 1883 г.)	Нет
Анатомические знания	Да (фельдшер)	Нет	Да (врач)	Нет	Нет	Нет	Нет
Проживание в Уайтчепеле	Да	Да (приезжий)	Да	Нет	Нет	Да	Да
Профессия-прикрытие	Да (парикмахер)	Да (парикмахер)	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Несексуальный мотив	Да	Неясен	Неясен	Нет	Нет	Нет	Нет
Эволюция метода	Объяснена	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Фигурирует в полицейских меморандумах	Да (мнение инспектора Абберлайна, 1903)	Да	Да	Нет	Да	Нет	Да
Соответствие профилю	Полное	Частичное	Частичное	Нет	Частичное	Нет	Нет

Обсуждение таблицы. Как видно из сравнения, ни один из подозреваемых, кроме Чепмена, не демонстрирует полного соответствия реконструированному профилю. Наиболее близкие конкуренты – Космински и Тамбли – имеют лишь частичное совпадение по отдельным критериям, причём психическое состояние Космински (прогрессирующая шизофрения) делает его участие в убийствах 1888 года крайне маловероятным, а Тамбли не проживал в Уайтчепеле постоянно. Дрюитт и Джеймс Келли, при всей их значимости для историографии дела, не соответствуют профилю по большинству параметров.

Особого внимания заслуживает Джозеф Барнетт – сожитель Мэри Келли, допрошенный полицией после её убийства. В популярной литературе он нередко фигурирует как возможный преступник, действовавший из ревности. Однако его полное несоответствие реконструированному профилю (отсутствие анатомических знаний, несексуальная мотивация не установлена, отсутствие признаков серийности в последующей биографии) демонстрирует дискриминантную валидность модели: она способна отсеивать даже тех кандидатов, которые выглядят правдоподобными с бытовой точки зрения, но не соответствуют криминологическому паттерну.

Отдельного внимания заслуживает психическое состояние Аарона Космински в период совершения убийств. Согласно имеющимся свидетельствам, уже осенью 1888 года он проявлял выраженные признаки психического расстройства: слуховые галлюцинации, неопрятность, дезорганизованное поведение, отказ от пищи. Эти симптомы плохо совместимы с поведением, которое демонстрировал Джек Потрошитель: способность быстро входить в доверие к жертвам, ориентироваться в тёмных переулках, избегать полицейских патрулей и производить анатомически осмысленные манипуляции с телом. Психотическая дезорганизация, характерная для Космински, не тождественна криминальной дерзости и расчётливости Потрошителя. Таким образом, даже безотносительно к другим

критериям, психическое состояние Космински в 1888 году делает его участие в уайтчепельских убийствах крайне маловероятным.

Важно отметить, что высокое соответствие Чепмена не является доказательством его виновности — оно является основанием для его приоритетного рассмотрения в рамках предложенной объяснительной модели. Сама модель не зависит от идентификации конкретного лица и сохраняет эвристическую ценность независимо от того, был ли Чепмен Потрошителем.

7. ОБСУЖДЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Предложенная модель не лишена ограничений. Основное — отсутствие прямых улик (показаний свидетеля, видевшего Чепмена на месте преступления в 1888 году, или его признания). Однако эта проблема является общей для всех без исключения версий по делу Потрошителя.

Методологическое ограничение: проблема post hoc выбора кандидата

Настоящее исследование уязвимо для критики с позиции confirmation bias (тенденциозного подтверждения). Джордж Чепмен был выбран в качестве основного кандидата post hoc — после того, как его биография стала известна автору, а не в результате «слепого» поиска по реконструированному профилю. Поскольку Чепмен является единственным доказанным серийным убийцей среди всех подозреваемых по делу Потрошителя, его биография априорно содержит черты, которые могут быть интерпретированы как «соответствующие» практически любому профилю серийного преступника.

Таким образом, совпадение профиля с биографией Чепмена не является независимым доказательством его виновности — оно является следствием исследовательской стратегии, в которой кандидат был известен заранее. Мы не можем утверждать, что реконструированный профиль неизбежно приводит к Чепмену; мы можем лишь утверждать, что среди ограниченного круга подозреваемых, чьи имена фигурировали в полицейских документах, Чепмен демонстрирует наибольшее соответствие предложенной объяснительной модели.

Проверка гипотезы потребовала бы «слепого» теста: предъявления реконструированного профиля независимым экспертам, не знакомым с делом Потрошителя, с задачей отбора подозреваемых из расширенной базы жителей Уайтчепела 1888 года. Такой тест не был проведён и вряд ли возможен в рамках исторического исследования. Данное ограничение является неустранимым для любого ретроспективного анализа и должно учитываться при оценке силы наших выводов.

Состояние криминалистики и судебной психиатрии в 1888 году

Чтобы объективно оценить силу косвенных доказательств, необходимо учитывать исторический контекст. На момент совершения уайтчепельских убийств криминалистика находилась в зачаточном состоянии. Дактилоскопия ещё не применялась в полицейской практике (её внедрение началось лишь в 1890-х годах), анализ ДНК появился спустя столетие, а фотографирование мест преступлений только входило в обиход. Единственным методом идентификации служило опознание свидетелями – крайне ненадёжный инструмент, особенно в тёмных переулках Уайтчепела.

Судебная психиатрия также переживала период становления. Классификация психических расстройств была примитивной; термина «серийный убийца» не существовало, а сам феномен не был осмыслен наукой. Преступное поведение объяснялось либо моральным падением, либо безумием, и полиция не имела в своём распоряжении методов психологического профилирования, которые позволяют сегодня связывать внешне несхожие преступления единым психотипом. Именно поэтому убийства 1888 года и отравления 1897–1902 годов рассматривались современниками как несвязанные эпизоды, а не как стадии эволюции одного и того же расстройства.

Этот исторический пробел объясняет, почему даже при наличии подозрений у главного инспектора Абберлайна Чепмен не был идентифицирован как Потрошитель. Отсутствие прямых улик в деле, которое расследовалось

инструментарием XIX века, не опровергает гипотезу, но делает неизбежной опору на косвенные, психологические и логические доказательства.

Относительно даты прибытия Клосовского в Лондон

Первое на данный момент бесспорное документальное подтверждение присутствия Клосовского в Лондоне – свидетельство о браке с Люси Бадерски от октября 1889 года, а также регистрация по адресу 126 Cable Street, в непосредственной близости от мест всех пяти канонических убийств. Таким образом, уже через 11 месяцев после последнего убийства Клосовский официально проживал в самом центре Уайтчепела.

Этот временной интервал настолько мал, что версия о его прибытии в Лондон после ноября 1888 года выглядит крайне маловероятной: она требует допущения, что человек, только что эмигрировавший, немедленно поселился в районе, который недавно был охвачен паникой из-за серии убийств, и при этом ничем не выделялся среди местных жителей. Гораздо более правдоподобным выглядит предположение, что Клосовский уже проживал в Уайтчепеле в 1888 году, но оставался «невидимым» для официальных реестров, как и тысячи других бедных мигрантов.

Более того, массовая эмиграция польского населения (как евреев, так и католиков) из Варшавы и других городов Российской империи в Лондон в 1880-х годах хорошо документирована. Основная волна прибывала именно в порты Лондона и оседала в Ист-Энде, прежде всего в Уайтчепеле, где уже существовала сложившаяся польская диаспора. Таким образом, появление Клосовского в этом районе полностью соответствовало миграционным трендам того времени, а его польское происхождение делало Уайтчепел наиболее вероятным местом первоначального проживания. Отсутствие записей о прибытии и регистрации низкоквалифицированных мигрантов в полицейских и приходских книгах было скорее правилом, чем исключением. Детальная реконструкция биографии Клосовского, проведённая Х. Войтчак, подтверждает, что его интеграция в лондонскую среду (в частности, в Саутуэрке и Уайтчепеле) проходила типичным для бедных польских

эмигрантов путём, с намеренным избеганием официальных реестров [16] , что подтверждается историческими исследованиями миграции в Ист-Энд.

Кроме того, главный инспектор Фредерик Абберлайн, руководивший расследованием на месте, в интервью газете Pall Mall Gazette (24 марта 1903 года) публично утверждал, что Клосовский «жил в Уайтчепеле в 1888 году». Это заявление было сделано после личной встречи Абберлайна с арестованным и беседы с его женой Люси Бадерски. Как старший офицер, имевший доступ к конфиденциальной полицейской информации, Абберлайн вряд ли стал бы публично сообщать непроверенный факт, рискуя своей репутацией. Таким образом, его свидетельство является серьёзным основанием считать присутствие Клосовского в районе преступлений исторически достоверным.

Реконструкция польского периода и хронология эмиграции

Анализ доступных польских источников и биографических исследований позволяет достаточно точно очертить временные рамки исчезновения Клосовского из документального поля Российской империи.

Последнее достоверное упоминание в польских метрических книгах относится к 1887 году и связано с его первой женитьбой в костёле деревни Нагурки, за которой последовал немедленный разрыв с женой. К этому же периоду (1886–1887) относится завершение обучения в фельдшерской школе в Варшаве и получение диплома «младшего фельдшера-хирурга».

После 1887 года Клосовский полностью исчезает из польских архивов. Его имя отсутствует в адресных книгах Варшавы за 1888 год (что подтверждено современными польскими исследованиями), нет записей о получении заграничного паспорта, разрешения на выезд или судебных преследованиях. Это означает, что он покинул территорию империи либо нелегально, либо транзитом, без оформления официальных бумаг – практика, широко распространённая среди бедных мигрантов того времени.

Как отмечает Ф. Сагден [6], Клосовский «исчезает из польских архивов в 1887–1888 годах», а его первое достоверное появление в Лондоне датируется

октябрём 1889 года. П. Бегг [9] уточняет, что эмиграция, «вероятнее всего, была нелегальной – через границу с Австро-Венгрией или Германией – что объясняет отсутствие таможенных отметок».

Таким образом, временной зазор между последней польской записью (1887) и первым британским документом (октябрь 1889) составляет около полутора-двух лет. Если предположить, что Клосовский покинул Польшу весной-летом 1888 года, то с учётом стандартного времени в пути из Варшавы до Лондона (2–3 недели) он физически мог оказаться в Уайтчепеле к августу 1888 года – то есть к моменту первого канонического убийства. Это не доказывает его виновность, но устраняет хронологический контраргумент: эмиграция в 1888 году была физически возможна и согласуется как с миграционными паттернами того времени, так и с полным отсутствием документов о его пребывании где-либо ещё в этот период.

Психологическая интерпретация хронологии: избегающе-шизоидный триггер и эскалация

Представленная хронология не только устраняет формальное алиби, но и предлагает психологически насыщенную интерпретацию событий. Побег от первой жены сразу после заключения брака (1887) является не просто биографическим эпизодом, а первым задокументированным проявлением избегающе-шизоидного паттерна – панической реакции на угрозу эмоциональной близости. Если принять гипотезу о том, что Клосовский покинул Польшу вскоре после этого разрыва (зима-весна 1888 года), то его прибытие в Лондон и первое убийство (Николс, 31 августа 1888) оказываются звеньями одной цепи.

В этой реконструкции проститутка Уайтчепела становится не случайной жертвой, а функциональным замещением первой жены. Транзакционное взаимодействие с проституткой (деньги → тело) позволяло реализовать сексуальное влечение без риска эмоционального сближения – именно то, что оказалось невозможным в браке. Однако, как показывает виктимологический анализ (раздел 5.1), даже такая «безопасная» форма обладания была

неустойчивой: как только женщина проявляла субъектность, запускался механизм объективации и устранения.

Таким образом, хронологическая последовательность «побег от жены (1887) → эмиграция (1887–1888) → первое убийство (август 1888)» не является случайным совпадением дат. Она отражает эскалацию избегающе-шизоидного паттерна: от избегания близости через бегство – к устранению источника тревоги через убийство. Эмиграция в Лондон выступила катализатором, предоставив доступ к анонимным и уязвимым жертвам, а профессия фельдшера – инструментарий для «псевдоисследовательской» реализации мотива.

Систематический поиск в архивах Ленчицкого уезда, Варшавской губернии и, возможно, транзитных пунктов на австро-венгерской границе остаётся темой отдельного историко-криминалистического исследования, способного окончательно прояснить точную дату и маршрут эмиграции Клосовского.

Документальные лакуны являются нормой для низкостатусных мигрантов Ист-Энда – многие фигуранты дела (включая Космински) известны лишь по единичным упоминаниям, что не мешает рассматривать их как подозреваемых. Следовательно, вопрос о присутствии Клосовского в Уайтчепеле в 1888 году не может служить основанием для априорного отклонения гипотезы и остаётся открытым для дальнейшей архивной проверки.

Относительно анатомических навыков

Некоторые ревизии приписывают Потрошителю более высокую квалификацию. Однако они не учитывают экстремальные условия (темнота, стресс), где ловкость важнее академизма. Кроме того, для «псевдоисследовательского» типа характерно самообучение [2]. Чепмен мог отточить навыки именно в том объёме, который требовался для его любопытства.

7.1. Поведенческая инвариантность или смена модуса: можно ли отождествить Потрошителя и отравителя?

Ключевой концептуальный вызов для нашей модели – тезис о ригидности криминального почерка, отстаиваемый как классическим профайлингом ФБР [7], так и некоторыми школами следственной психологии [8]. Согласно этому взгляду, переход от динамичных, кровавых вскрытий на улице к пассивным, растянутым во времени отравлениям в быту маловероятен для одного и того же субъекта.

Мы принимаем этот вызов и выдвигаем контраргумент: в случае Чепмена наблюдаемая трансформация является изменением не «подписи» (signature), а «модуса операнди» (modus operandi). Его криминальная «подпись» – не нож и не яд сами по себе, а холодное, бесчувственное исследование и уничтожение объекта, вызывающего страх и влечение. Эта «подпись» остаётся стабильной на протяжении 15 лет. Меняется лишь инструментарий, что является адаптивной реакцией на изменившиеся внешние (возросшая полицейская активность) и внутренние (исчерпание анатомического «любопытства») условия.

Более того, сам Дуглас [7], сам того не желая, предоставил аргумент в пользу нашей модели. Его профиль 1988 года, описывающий уайтчепельского убийцу, практически дословно предсказал появление Джорджа Чепмена, арестованного 15 лет спустя. Тот факт, что сам профайлер не связал свой же профиль с Чепменом, говорит не о слабости профиля, а о том, что истинная «подпись» может лежать на более глубоком мотивационном уровне, чем конкретный поведенческий акт.

7.1.1. Подпись в отравлениях: «медикализированный контроль» как инвариант

Детальный анализ отравлений 1897–1902 годов выявляет ту же криминальную подпись, что и в уайтчепельских убийствах, но реализованную в иной инструментальной форме.

Чепмен использовал сурьму – вещество, вызывающее симптомы, сходные с пищевым отравлением. Он давал яд малыми дозами, растягивая процесс на несколько недель или месяцев, и при этом демонстративно ухаживал за больной, вызывал врачей, подробно расспрашивал о симптомах. Это поведение – не маскировка, а неотъемлемая часть псевдоисследовательского ритуала. Он не просто убивал, он наблюдал за процессом умирания, фиксировал стадии, сравнивал эффекты.

В обоих случаях подпись одна: контроль над телом жертвы, реализуемый через парамедицинскую компетенцию. В 1888 году это компетенция хирурга-анатома (быстрое и точное изъятие органов). В 1897–1902 годах это компетенция фельдшера-диагноста (наблюдение и «лечение» при отравлении). Различие лишь в темпоральном измерении: вскрытие – это мгновенный акт познания мёртвого тела; отравление – это растянутый во времени акт познания процесса умирания живого тела.

Показательно, что выбор орудия и во второй серии прямо связан с его профессиональной подготовкой. Сурьма была доступна парикмахерам и фельдшерам в составе средств для обработки кожи и волос. Чепмен не просто знал о её токсичности – он знал дозировки, скорость действия и клиническую картину, что позволило ему избегать немедленного обнаружения.

Более того, в отравлениях присутствует тот же элемент деперсонализации жертвы, что и в ножевых атаках. Для Чепмена умирающая жена – не страдающий человек, а объект клинического наблюдения. Его визиты к врачам, его «обеспокоенность» здоровьем жертвы, его подробные описания симптомов – всё это часть псевдоисследовательского ритуала, в котором он выступает не убийцей, а «специалистом», изучающим течение болезни.

Это делает связь между сериями неразрывной: модус операнди изменился (нож → яд, улица → дом), но сигнатура – медикализированный контроль над телом, псевдоисследовательский мотив, отсутствие сексуального насилия – осталась неизменной.

В этих условиях критерием становится объяснительная сила модели. Представленная модель объясняет:

- отсутствие сексуального насилия;
- эскалацию повреждений;
- прекращение серии после Келли;
- девятилетнюю паузу;
- смену орудия преступления.

Ни одна из конкурирующих версий не обладает сопоставимой объяснительной силой.

7.2. Практическая значимость модели для современной криминальной психологии и образования

Предложенная модель, несмотря на её ретроспективный характер, обладает рядом следствий, значимых для современной следственной, экспертной и образовательной практики.

Во-первых, она предлагает альтернативное объяснение для тех серийных преступлений, в которых отсутствуют традиционные мотивы (сексуальный, корыстный, садистический), а действия преступника носят внешне бессмысленный, но методичный характер. В таких случаях следователь или профайлер может проверять не только криминальное прошлое подозреваемого, но и наличие в его биографии маркеров избегающе-шизоидного паттерна: панических разрывов отношений при угрозе эмоционального сближения, угроз в адрес партнёров, инструментального отношения к телу, социальной изоляции при сохранном сексуальном влечении. Эти маркеры являются конкретными и проверяемыми, что делает модель операциональной. Выявленные маркеры и механизмы объективации могут быть интегрированы в методические рекомендации для следователей Следственного комитета Российской Федерации и оперуполномоченных по розыску серийных преступников, совершающих убийства без признаков сексуального насилия.

7.2.1. Маркеры избегающе-шизоидного паттерна: чек-лист для оперативного использования

На основе проведённого анализа могут быть выделены следующие эмпирические индикаторы, наличие которых в биографии подозреваемого по делам о несексуальных серийных убийствах заслуживает повышенного внимания:

- 1.Панические разрывы отношений при угрозе сближения.** Подозреваемый в прошлом внезапно и без видимых причин разрывал отношения, вступал в брак и немедленно его расторгал, уезжал без объяснений.
- 2.Инструментальное отношение к телу.** Профессия или хобби, связанные с медициной, ветеринарией, мясной промышленностью, парикмахерским делом. Наличие анатомических знаний или доступа к фармакологическим веществам.
- 3.Отсутствие близких дружеских связей.** Полная социальная изоляция вне профессиональной сферы. Отсутствие друзей, доверенных лиц, участия в общественной или религиозной жизни.
- 4.Холодное, отстранённое описание своих действий.** При даче показаний или в общении подозреваемый описывает насильственные действия в клинических, «технических» терминах, без признаков эмпатии или раскаяния.
- 5.Сохранное сексуальное влечение при неспособности к интимности.** Наличие сексуальных контактов (включая платные), но полная неспособность к длительным эмоционально вовлечённым отношениям.

Данный чек-лист не является формальным диагностическим инструментом и подлежит эмпирической валидации. Он предназначен для первичного скрининга и формулирования следственных гипотез, а не для принятия процессуальных решений.

Во-вторых, модель расширяет представление о сигнатуре (signature) серийного преступника. Традиционный профайлинг ориентирован на устойчивость наблюдаемых поведенческих актов (способ нападения, оружие, ритуал). Настоящее исследование демонстрирует, что при изменении модуса операнди (*modus operandi*) – например, при переходе от ножа к яду – сигнатура может сохраняться на более глубоком мотивационном уровне. Это означает, что при анализе «висяков» или серий из разных регионов целесообразно искать не только внешнее сходство действий, но и инвариантную динамику отношений с жертвой.

В-третьих, модель содержит прогностический компонент. Сочетание выявленных факторов – избегающе-шизоидный паттерн, наличие специальных навыков (медицинских, фармакологических), доступ к уязвимым или изолированным жертвам и полная социальная изоляция – может рассматриваться как матрица повышенного риска. В судебно-психиатрической экспертизе и при оценке лиц, осуждённых за насильственные преступления против партнёров, наличие такого сочетания может служить основанием для более углублённой диагностики и мониторинга.

Наконец, работа обладает выраженной дидактической ценностью. Настоящее исследование может служить готовым кейс-стади для курсов по криминальному профайлингу, юридической психологии и криминологии. Оно демонстрирует обучающимся полный цикл применения метода: от операционализации признаков до построения профиля, его верификации через конвергенцию с независимой экспертной оценкой и иллюстративного сопоставления с реальной биографией. В этом качестве работа может быть интегрирована в учебные программы вузов и центров повышения квалификации.

7.3. Условия неприменимости и возможные опровержения модели

Научная гипотеза тем убедительнее, чем чётче она определяет собственные границы. Предложенная модель не универсальна и имеет ясные ограничения.

Условия, при которых избегающе-шизоидный паттерн не приводит к серийным убийствам:

- наличие социальных тормозов (дружеские связи, включенность в общину);
- отсутствие специальных навыков, превращающих тело в объект познания (медицинских, фармакологических);
- наличие альтернативных каналов сублимации (профессиональная реализация, хобби);
- низкая интенсивность паттерна, не достигающая уровня компульсивного влечения.

Факты в деле Потрошителя, потенциально противоречащие модели:

- особенности ранения горла Эддоус* и другие аномалии, которые могут указывать на дезорганизованность более высокого уровня, чем предполагает профиль.

Проблема писем и граффити: от контраргумента к дополнительной верификации Наличие экспрессивной коммуникации, приписываемой убийце, традиционно считается контраргументом против гипотезы о Чепмене. Холодная объективация жертвы и отсутствие аффекта плохо совместимы с потребностью в публичном диалоге. Однако анализ ключевого артефакта – письма «From Hell» с фрагментом почки – позволяет снять это возражение.

- Контекст и мотивация.** Письма «Dear Boss» и «Saucy Jacky», почти наверняка журналистские мистификации [6, 9], могли спровоцировать подлинного преступника на ответ. Однако ответ был направлен не в газету, а частному лицу – Дж. Ласку, что соответствует избегающему публичности профилю.
- Лингвистическое наблюдение.** Ошибки письма («Mishter», «Sor», «prasarved», отсутствие артиклей) совместимы с гипотезой о славянском происхождении автора, но не являются её доказательством:

аналогичные ошибки возможны у неграмотных носителей кокни или других языков. Мы приводим это наблюдение как не противоречащее модели, а не как решающий аргумент.

•**Содержательный и медицинский аспекты.** Тон письма — отстранённый, почти клинический, что согласуется с псевдоисследовательской сигнатурой. Консервация почки в спирте указывает на парамедицинскую компетенцию, которой обладал Клосовский.

Данные, способные опровергнуть модель:

- документальное подтверждение пребывания Клосовского за пределами Лондона в августе-ноябре 1888 года. Наиболее перспективными источниками для такой проверки являются: метрические книги католических приходов Ленчицкого уезда и Варшавы за 1888 год (фиксация участия в таинствах); судовые списки пассажиров, прибывавших из Гамбурга и Бремена в лондонский порт в 1887–1889 годах; регистрационные книги польской католической миссии в Лондоне; записи о найме помощников парикмахеров в Уайтчепеле за 1888 год.
- обнаружение ДНК или иных улик, указывающих на другого человека на месте канонических убийств;
- появление доказательств того, что Чепмен в 1889–1896 годах совершал насильственные преступления, не вписывающиеся в модель избегающе-шизоидного паттерна.

Чёткое определение этих условий и фальсификаторов показывает, что модель не является *ad hoc* объяснением, а может быть проверена и, потенциально, опровергнута будущими исследованиями.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой попытку продемонстрировать, как метод ретроспективного психологического профиля может быть

применён к историческому материалу. Мы реконструировали психологический профиль неизвестного преступника, сопоставили его с независимой экспертной оценкой ФБР и проиллюстрировали работу модели на биографии Джорджа Чепмена – единственного доказанного серийного убийцы среди подозреваемых по делу Потрошителя.

Предложенная модель, связывающая избегающе-шизоидный личностный паттерн, механизм объективации и псевдоисследовательский мотив, не претендует на статус истины в последней инстанции. Она является наиболее экономным и внутренне непротиворечивым объяснением известных фактов. Работа не является попыткой юридической идентификации; её цель – служить дидактическим инструментом и эвристической основой для дальнейших исследований.

Конвергенция двух независимых профилей свидетельствует о надёжности реконструированного портрета, но не является доказательством виновности какого-либо конкретного лица. Это важное методологическое разграничение должно предотвратить неверные интерпретации в медиа-пространстве.

Все выводы носят исключительно гипотетический характер. Вопрос о личности Джека Потрошителя остаётся открытым ровно настолько, насколько это вообще возможно для событий, отделённых от нас столетием и не оставивших прямых улик.

Список литературы

1. **Бухановский А. О.** О проблеме серийных убийств // Российский психиатрический журнал. – 1998. – № 2. – С. 63–68.
2. **Антонян Ю. М., Гульдан В. В.** Криминальная патопсихология. – Москва : Наука, 1991. – 248 с. – ISBN 5-02-012929-1.
3. **American Psychiatric Association.** Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders : DSM-5. – 5th ed. – Arlington, VA : American Psychiatric Publishing, 2013. – 947 p. – ISBN 978-0-89042-554-1.

4. **Смулевич А. Б.** Тревожно-фобические расстройства // Психиатрия : национальное руководство : в 2 т. / под ред. Т. Б. Дмитриевой [и др.]. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – Т. 1. – Гл. 22. – С. 402–423. – ISBN 978-5-9704-2030-0.
5. **Rumbelow D.** The Complete Jack the Ripper. – London : Penguin Books, 2004. – ISBN 978-0-14-017395-6.
6. **Sugden P.** The Complete History of Jack the Ripper. – London : Robinson, 1994. – 532 p. – ISBN 978-1-85487-329-3.
7. **Douglas J., Olshaker M.** The Cases That Haunt Us : From Jack the Ripper to JonBenet Ramsey, the FBI's Legendary Mindhunter Sheds Light on the Mysteries That Won't Go Away. – New York : Scribner, 2000. – 352 p. – ISBN 0-684-84600-4.
8. **Canter D.** Criminal Shadows : Inside the Mind of the Serial Killer. – London : HarperCollins, 1995. – 412 p. – ISBN 978-0-00-638394-9.
9. **Begg P.** Jack the Ripper : The Facts. – London : Robson Books, 2004. – 550 p. – ISBN 978-1-86105-687-0.
10. **Knight S.** Jack the Ripper : The Final Solution. – London : Harrap, 1976. – 284 p. – ISBN 0-245-52724-9.
11. **Marriott T.** Jack the Ripper : The 21st Century Investigation. – London : John Blake, 2005. – 310 p. – ISBN 978-1-84454-103-4.
12. **Gordon R. Michael.** Alias Jack the Ripper : Beyond the Usual Whitechapel Suspects. – Jefferson, NC : McFarland, 2001. – 363 p. – ISBN 0-7864-0898-7.
13. **Fido M.** The Crimes, Detection and Death of Jack the Ripper. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1987. – 241 p. – ISBN 0-297-79136-2.
14. **Gordon R. M.** The Thames Torso Murders of Victorian London. – Jefferson, NC : McFarland, 2002. – 257 p. – ISBN 978-0-7864-1348-5.
15. **Evans S. P., Skinner K.** The Ultimate Jack the Ripper Sourcebook : An Illustrated Encyclopedia. – London : Robinson, 2001. – 758 p. – ISBN 978-1-84119-225-3.

16. **Wojtczak H.** Jack the Ripper at Last? The Mysterious Murders of George Chapman. – Hastings : Hastings Press, 2014. – 272 p. – ISBN 978-1-904109-22-8.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность языковой модели DeepSeek (deepseek.com), использованной исключительно для стилистической редакции русского текста и перевода аннотации. Все концептуальные положения, анализ источников и научные выводы являются оригинальной работой автора.